

этой чудной музыки и отъ воскресшей монши
ея голоса. Она говорила вслухъ и шопотомъ,
она лепетала и пѣла, она испытала всѣ
тоны, всю податливость этого гибкаго ор-
гана. Иногда она уходила изъ дому сама:
она заходила въ отдаленныя части города,
гдѣ ей никто не зналъ, и дѣлала тамъ въ
лавкахъ покупки, чтобы разговаривать съ
купцами. Она съ наслажденiemъ на улицѣ
спрашивала тайкомъ дорогу, она съ изобрѣ-
тательностью находила всякие способы по-
говорить. Но эти мгновенія тайной свободы
были такъ кратки; надо было опять вер-
нуться домой и вновь предъ мужемъ, предъ
людьми, предъ всѣмъ свѣтомъ наложить на
себя узы, каждый день она должна была
начать съ пытки дрессировать себя, грозить
себѣ и трепетать отъ мысли, что слово
можетъ у нея вырваться; и самое простое,
самое честное слово уличить ее въ пре-
любодѣяніи.

Другое горе нанесло ей второй ударъ;
примиреніе и бодрость долго поддерживала-
лись въ ней угѣшающею мыслью. Изъ двой-
наго счастія, доставшагося ей на долю,
осталась невозможной и неосуществленной
лишь одна половина—другой у нея не от-
нимутъ. Сердце ея, которое тоже загово-
рило, не было обязано молчать. Изъ двухъ
голосовъ, возставшихъ въ ней, голосъ сердца
не осужденъ былъ на молчаніе. И, думая
объ этомъ въ часы мечтаній или говоря въ
своихъ монологахъ, Сусанна чувствовала,
что лучшая половина побѣды—еще за ней.